

Злодеяния и военные преступления киевского режима в г. Дзержинск (Торецк)

Москва, 2025 г.

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты РФ М.С. Григорьев) создан первого марта 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

Непосредственно после освобождения города Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксированы свидетельства жителей г. Дзержинска (Торца). Они подробно рассказывают об украинских военных преступлениях, совершенных в период, когда город находился под контролем Украины.

Так же, как и в других населенных пунктах, находящихся под украинским контролем, Вооруженные силы Украины проводили политику геноцида русскоязычного населения.

Н.В. Чурилова рассказывает: «ВСУ расстреливали мирных. С моей улицы лежат в подвале трое убитых, прямо в лоб застрелили... С края города много поубивали. Хлопчик пошел туда и рассказывает: «Вера лежит убитая, бабушка убитая, Лариса убитая».

В.Л. Горишный свидетельствует о такого рода случаях: «ВСУ людей расстреливали. Мой отец, пенсионер, поехал на велосипеде в магазин. И застал картину, как лежит продавец расстрелянный и магазин догорает. На Забалке в районе, там тоже полсемьи расстреляли».

Н.Д. Банных свидетельствует, как украинские дроны убивали мирных жителей: «Женщина вышла кормить котят. На двухэтажке жила. В это время ВСУ подняли дрон и ее убили. Сброс гранаты, и убило ее прямо на месте».

А.Л. Ганусенко рассказывает, как украинские военнослужащие расстреляли его соседа: «У мужчины собака выбежала и начала гавкать. Украинец вышел, стрельнул просто двух человек, и все, и пошел. Просто в голову одного и второго убил. Все, спокойно ушел».

Н.В. Ракитская свидетельствует: «Людей убивали. Моего сожителя убили... Я просто спросила, за что ты убил? Ничего не ответил».

Н.М. Шведова разоблачает преступления киевского режима: «Украинцы расстреливали людей по окраинам города нашего... Я думаю, «азовцы» убили полсотни, а то и больше человек. Там без вести много, очень пропало людей. Женщине 85 лет было. И когда пришли к ним в дом, она лежала на пороге, застрелена...».

На систематической основе украинские дроны разрушали мирные дома вместе с находившимися там жителями. Нередки случаи, когда одни дроны ВСУ разрушали крыши сбросами разнообразных боеприпасов, а другие поджигали эти дома специальными зарядами. В некоторых случаях по этим домам еще били дроны-камикадзе.

В.Л. Горишный рассказывает свою личную трагическую историю: «Начали ВСУ скиды делать дронами по моему дому. А в соседнем доме жили мои родители... Украинские дроны добивали наш дом. А потом что-то еще большую, какую-то бомба прилетела и уже сдетонировала по серьезному, уничтожили дом. Мы вовремя вышли. ВСУ видели, что там живут только я, отец и мать. На наш дом было порядка десяти сбросов. Я слышал их, они тяжелые. Потом зажигательное что-то сбросили».

О.В. Аксенова рассказывает, что с ней происходило: «За эту ночь «Баба-яга» прилетала шесть раз. Она била вокруг. Потом она улетела, следом прилетел маленький украинский дрон, покружил... Когда «Баба-яга» нас обстреляла, украинцы прекрасно знали, что в том доме живут мирные люди. Никого другого там нет».

Л.Н. Симонова говорит о повсеместности такой украинской практики: «Украинцы дронами все дома попалили. У нас ни одного дома нет. Ни одного дома нету целого. Там раненых много очень».

Н.Н. Васис рассказывает: «России у нас еще близко не было. Сначала украинцы обстреляли двор, потом там сарай разбили, а потом один день смотрим, уже по дому начали мины, бомбы кидать. И я брату говорю, давай тикать, иначе или ночью, или днем сегодня нас убьют... Три гранаты сбросил на меня. И на брата, по-моему, одну. Он видел, что у нас ни оружия, ничего не было. Не в форме. Мы в фуфайках были... Дроны чьи летали? Украинские летали».

Так же, как и в других населенных пунктах, киевский режим особенно активно убивал мирных русскоязычных жителей во время попыток эвакуации в сторону России.

И.В. Доронин свидетельствует: «Когда мы эвакуировались, по нам ВСУ делали сбросы. Они отправили на поиски нас дрона-камикадзе, а потом «Бабу-ягу». Я шесть осколочных ранений получил... На полпути нас уже обнаружил украинский дрон и сделал сброс. Погиб мой отец и бабушка».

Н.В. Банных рассказывает: «Когда мы эвакуировались, мы вышли на улицу Ленина... Как раз напротив меня дрон скинул снаряд. Он, конечно, видел, что вереница – все гражданские».

Жители г. Дзержинска рассказывают, что украинские войска расстреливали город и окрестности с мирными людьми задолго до прихода российских войск.

Л.Г. Острикова свидетельствует: «Когда российских войск еще не было, у нас были прилеты по нашему поселку. Я человек не военный, но я слышала четко выстрел. Раз, два, три – и прилет. Я не понимаю, какое это расстояние, но это очень близко».

А.С. Белоусов рассказывает об аналогичном случае: «В 2023 году моя бабушка сидела со своей подругой на улице. Был выстрел, и буквально через секунду прилетел снаряд. Ранило мою бабушку и соседку. Моей бабушке 83 года. ВСУ по центру били очень часто. Там раненых было много людей. Именно украинцы стреляли».

В Дзержинске также была распространена украинская практика убийств мирных граждан для кровавых съемок с целью обвинения России.

Е.М. Остриков рассказывает: «Дофига людей убили именно за то, что украинцам картинка нужна была. Прессу ненавидели все жители... Пресса – это значит, город обстреливать будут. Что характерно, прилет, и сразу на этом месте появлялся мэр города, полиция, пресса, картинка, иностранные журналисты все снимают». Его отец – М.С. Остриков также подтверждает эту оценку: «Когда приезжала пресса в город, все, жди прилета, жди обстрелов. И так получилось. Только они приехали, через некоторое определенное время пошли прилеты со стороны Украины».

А.А. Збитнев рассказывает: «В 2022-м году, я еще работал, говорили постоянно, журналисты приезжают, приезжают журналисты. В микрорайон прилетело от обстрела и сразу, через, там, 5 минут, 3 минуты, журналисты, сразу репортаж, что по центру пролетало».

Н.Д. Банных свидетельствует о том, что это была стандартная украинская практика: «ВСУ обстреливали Дзержинск. В 2021 году обстреляли девятиэтажку. Погибла молодая семья в этой многоэтажке. Молодые люди. Перед этим были журналисты, конечно, потом обстреляли дом, понабежали солдаты, загородили, и начали быстренько убирать осколки дома. Защищать.

Однажды у нас на ДК как раз были журналисты. Журналисты только отошли и в это время начали обстреливать людей. Раненые там были.

Через время снова прибежали журналисты, начали снимать и говорят, вот русские, вот видите, вас обстреливают. Хотя мы прекрасно знали, что русские нас не обстреливают. Обычно со стороны ВСУ, с Константиновки всё летело».

Аналогично другим населенным пунктам жители города Дзержинска не сомневаются в том, что основным мотивом геноцида мирных граждан киевским режимом была его ненависть к русскоязычным жителям Донбасса.

Н.И. Махненко свидетельствует: «Мирных они бомбили, может быть, со злости, что мы остались, они нас называли сепаратисты, «вы ждете русский мир». Ну, они решили, что мы, значит, мы предатели, значит, нас надо уничтожить».

К.Д. Бунина рассказывает: «Я попала под украинский обстрел. Они злые на нас. И они ненавидят нас. Это точно».

Т.А. Павлова рассказывает о том, что жители города слышали от украинских военных: «Мы предатели, мы ватники, мы сепаратисты. Они за людей нас не считали. По разговорам, в открытую. Будем уходить – на пепелище оставим, они в открытую говорят. Даже мэр города так высказался».

Т.Е. Тишкова говорит о собственном трагическом опыте: «Украинский танк по нам стрелял в наш дом. Это было в 2015 году... Что мирные – их это не волнует. Мы русские. Надо уничтожать нас. Потому что мы ждуны для них. Они нас ненавидели... Очень много погибли от украинцев. Очень много».

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства».

В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство, а также «произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью», относится к серьезным нарушениям Конвенции.

Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах русскоязычных жителей города, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не знающими срока давности.

Приведенные ниже данные являются дословными и неадаптированными свидетельствами жителей г. Дзержинска.

1 **Доронин Илья Владимирович (20 лет),**
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ расстреливали семьями. Подруга моей знакомой погибла там. Ей не было 40 лет. Где-то в сентябре 2023 года. Так достаточно много расстреляли. Говорили, что ВСУ в окна закидывали гранаты в подвале и в дымоходы подвалов. А потом в сами подвалы заходили и расстреливали. Больше это делали из бригады «Лють». Получается, бывшие полицейские, жестокие.

Когда мы эвакуировались, по нам ВСУ делали сбросы, падали мины. После этой украинской арт-подготовки по нашему району они отправили на поиски нас дрон-камикадзе, а потом «Бабу-ягу», большую такую. Я шесть осколочных ранений получил. Такой был склад у нас огромный для фур. Там еще были такие подубитые остатки укрытий. Мы посидели там с часик. Укололи мне обезболивающее.

Мы вышли в окно, на полпути нас уже обнаружил украинский дрон и сделал сброс. Погиб мой отец и бабушка. Выходило нас двенадцать человек. Все мирные. Получается, украинский заряд упал под ноги бабушки и чуть сзади отца. Бабушка упала сразу же. Отцу перебили кость и бедренную артерию. Мы пытались турникетом что-то сделать, но слишком сильно было. Я получил множественные осколочные ранения ноги. Оба бедра, бок, плечо и поясница. ВСУ не хотели нас выпустить, мы же, получается, выходили на сторону наших. Мин 5 упало, тихо стало, и мы побежали. Они, получается, это всё поняли и решили отомстить».

2 **Чурилова Наталья Владимировна,**
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Я у себя дома как раз в зале была, и ВСУшники пробежали. И через мой огород пробежали, разбили там забор. Начали кричать, начали стрелять сильно. Потом стреляли в окно. Три пули, три дырочки в окне. И после этого они кричали: «Русские, выходите из подвала». Потом ВСУшники ушли.

Это где-то было примерно в августе 2024 года. Русских войск не было еще. После этого случая была неделя, наверное, может, две, тишина. А потом начался первый край, ВСУ спалили ряд, попалили, побили. А потом начали уже второй край. Улицу вторую, выше. Соседа спалили. Сразу загорелся дом. Меня разбили 4 сентября. Бабушка жила в сарае, у них негде было жить. Она говорит, что ВСУ 4 штуки кидали зажигательные, пока с 4-го раза не загорелся дом. Пуляли туда, в дом, в середину, чтобы загорелся дом. Украинские дроны.

Рано утром. Когда нас разбили, мы слышали, как он разбил соседний дом и полетел дальше. Я говорю, давайте быстрее в погреб, потому что сейчас следующие мы. Дочка у меня инвалид, спрятали дочку. Бабушка сказала, я никуда не пойду из дома. Как будет, так будет. Бабушка тоже старенькая, 83 года. Ну, мы спрятались, и стал дрон над нами гудеть. Ну как он гудит, сильно гудит. Это дрон «Баба-яга» была, она гудит сильно, большая. Потом он вернулся буквально минут через 20 и нам разбил крышу. Муж кричит: «Мы горим». Пятого числа, полпятого мы оттуда ушли, еле вылезли с того погреба. А собачка там сгорела, не успели вытащить.

ВСУ расстреливали мирных. С моей улицы лежат в подвале трое убитых, прямо в лоб застрелили. Это было в городе Дзержинске на улице Комарова. С края города, говорят, много поубивали. Женщину убили. Один у нас там был хлопчик, пошел туда и рассказывает: «Вот Вера лежит убитая, бабушка убитая, Лариса убитая». Где-то с 11-14 сентября это началось на наших улицах, там убили, там застрелили, там застрелили. То есть много людей получается. Насколько мы приблизительно своих не видим и не знаем об них ничего, где-то человек четырнадцать-пятнадцать убили. А остальных сколько, это ж не только на нашем месте, там же, скорее всего, люди рассказывают, везде это происходило. У нас там парень продукты возил, остановился, говорит, женщина со второго этажа прыгнула, тикайте, говорят, расстреливают. Он ее вывез в Константиновку. Потому что убивали. Ну, мы ж не верили, что там ВСУ убивают. Русских войск еще не было, не было вообще ни единого.

На Северной то же самое. Там тоже такие слухи идут, что людей убивали. Нас ВСУ обзывали «ждуны». Те, кто не выехал, кто остались. Спрашивали и меня тоже спрашивали, что не выезжаете. Я им сказала, что у нас дочка больная. Ну, мы не хотели туда ехать. А так же не скажешь прям в глаза. Не доживешь тогда просто. Так что нас «ждуны» называли».

3 Горишний Владислав Леонидович, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ людей расстреливали. В магазине человек работал, он возил из Константиновки продукты в магазин свой. Мой отец, пенсионер, поехал на велосипеде в магазин. И застал картину, как лежит этот продавец расстрелянный и магазин догорает. Украинская армия его расстреляла и взорвала магазин»

Мы эвакуировались 4 февраля этого года, в 2025 году. Я, отец и мать. Начали ВСУ скиды делать дронами по моему дому. А в соседнем доме жили мои родители. Я, когда прекратились скиды, взял два рюкзака и пошел к ним в дом. И мы быстро начали уходить в сторону Горловки через город. Украинские дроны добивали наш дом.

А потом что-то еще, большую какую-то, бомба прилетела и уже сдетонировала по-серьезному, уничтожили дом. Мы вовремя вышли. ВСУ видели, что там живут только я, отец и мать. На наш дом было порядка десяти тяжелых сбросов. Потом зажигательное что-то сбросили.

На Забалке в районе, там тоже полсемьи расстреляли. Они жили в подвалах, украинским военным хотелось, наверное, тоже там поселиться, и они вот зверствовали. Вот у нас парень живет, он свидетель, ему руку прострелило тоже.

Украинская власть – они не про людей. Что украинская власть, что украинские военные, они просто хотели уничтожить Донбасс. Они пришли и относятся не по-человечески к людям, к их имуществу. Я не знаю, как их назвать».

4 Барда Анатолий Николаевич (60 лет), пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торцеке)

«12 января 2025 года мне исполнилось 60 лет, а мы жили в погребах. У нас жило в одном погребе 6 человек. Это район 12 РМЗ на окраине. До этого мы поменяли 4 дома, поскольку украинские войска постоянно сбрасывали заряды дронами на дома, где мирные жители были. Целенаправленно сбрасывали дронами. Сначала пробивали крыши, а потом кидали туда опять же дроны-зажигалки. В дома, в частный сектор. Мы в частном секторе жили. Ну, и поскольку мы это все поняли, нас приютила женщина, мы вшестером в подвале жили. Потом я и старший брат моей жены, чтобы не наводить украинские дроны на этот подвал, переселились в соседний. Чтобы нас меньше было видно просто с дронов. Нас выследили и запустили сбросов с дронов прямо в подвал к нам, где мы с братом жены жили по соседству. Когда уже нас начало

засыпать, лопнула рельса, мы решили выйти, потому что выхода не было. Вышли, начали между развалинами уходить, отводить их в сторону. Мы знаем уже по опыту, что они не могут попасть под высокорастущие деревья и залететь в окна не могут, если ветки. Какой-то нашли сарайчик, и мы там вдвоём приютились. Стали ждать, когда перестанут летать. Поскольку он не смог достать, прилетела мина. Мина пролетела одна, минуты через три вторая. Меня контузит. Кое-как очухался и повернулся к Сергею, брату жены. А он засыпанный. Смог откопать только голову ему. Я в дом. Говорю, уже нет Сергея. А утром как раз благополучно, туман был, и мы вышли. Раскопали Сергея, посмотрели – проникающее ранение спины, сердца. Заложили камнями, чтобы собаки не растягивали. Ему было столько же, сколько и мне. У меня 12-го день рождения, а у него 20 января. 61 год исполнился бы. Луц Сергей Алексеевич.

Мы решили выходить в сторону Горловки. Благо, туман был. Не летали дроны. И не доходя до центрального здания фабрики, на перекрестке – на нас пулеметная очередь. Нас шло шесть человек. Я инвалид третьей группы и отставал. Они впереди шли, метров 70. Они вышли на перекресток. Пулемет за разрушенным зданием, получается, находился. Один упал на обочину. Жена к нему наклонилась. Потом начала ВСУ кричать: «мирные, мирные», а они начали дальше стрелять. Я откатился к тополи, потому что там двухэтажка, получается. Убили мою жену, Барду Наталью Алексеевну, сына, Барда Александра Анатольевича, его жену, Сергея, Ткаченко Лену. Сергей сам раненый выполз. Остались три трупа. Это его жена Лена, моя жена и сын. Почему украинцы по мирным стреляли? Я думаю, фашист – он и будет фашистом».

5 **Ганусенко Андрей Геннадиевич,**
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торцеке)

«Мы жили в страхе. И старались избегать с ВСУ любых встреч. Потому что с ними встреча, это по-любому вопрос: «Что вы ждете «Русский мир»? Вы – ждуны?» То есть они запрограммированы только на такие вопросы. И с ними я старался вообще не пересекаться. В середине лета были такие случаи, что военнослужащие Украины убивали гражданских. Сарафанное радио по городу быстро разносится.

А еще в примерно середине октября 2024 года в один прекрасный день мужчине, который заказывал воду, привезли воду. Пока они стояли возле подъезда, у этого мужчины собака выбежала и начала гавкать.

В соседнем подъезде сидели украинцы, военные. Соседка говорит, это на его глазах произошло. Украинец вышел, стрельнул просто двух человек и все, и пошел. Просто в голову одного и второго убил. Все, спокойно ушел. Одного убитого Александр Мигаль звали, ему за 50 было, другого Алексей, ему где-то за 40 точно. Выходное отверстие в голове. Их похоронили, получается, за домом.

Я вообще боялся выходить с подъезда очень долгое время. Ну и остальные соседи тоже, конечно. Мы не верили, пока это не произошло, грубо говоря, на наших глазах, соседка начала кричать, жена его, мы выбежали и увидели, что два трупа лежали. Не знаю, может, испугался украинец чего-то, собаку испугался. Ну ладно, ты собаку испугался, застрели собаку. Ты же видишь, что гражданский человек. То есть уму непостижимо вообще это.

Еще люди не хотели уезжать, или их выселяли с дома, или с квартиры они не хотели уходить. И их просто стреляли.

Меня ВСУ ранили в руку. Мы сидели в комнате в подвале с женой и хотели выйти оттуда. Я боялся, что украинские военные начнут вот этот стрелянину, и мы попадем под раздачу. Я решил с семьей перебежать в дальнюю комнату. Перед этим хотел попросить украинских военных, они как раз за дверью были, разрешение перебежать туда. Начал открывать дверь. Она была закрыта, оказалось, с той стороны. Пытался открыть, как раз правой рукой я, получается, толкаю, и в этот момент три выстрела.

Потом мне уже жена сказала, что три раза, три хлопка она слышала, и вот один из этих выстрелов пуля мне попала в руку через дверь. А они к нам несколько раз заходили, причем почти все заходили, смотрели, что глухая комната, и мы тут сидим одни.

Снаружи в нашу комнату не зайти. Они нас заперли. Но мы не знали, что они нас заперли. Мы боялись вообще, сидели как мыши. Хорошо, что у нас была вода. Мы не выходили вообще, их не беспокоили. Ребенка у нас много раз пытались отнять. Приезжали, сначала нормально разговаривали, потом уже в грубой форме. К жене на работу приходили, угрожали уволить с работы, лишить родительских прав. То есть всеми и любыми способами морально прессовали, так сказать. Домой приезжали, естественно, мы не открывали, уже

прятались от них. Уже каждый проезд машины, это уже как бы настерегало. И вот прятали ребенка все это время. Других вариантов я просто не видел.

Все настолько были испуганы за своих детей, что даже соседи некоторые, мы живем в двери рядом, они даже не знали, что ребенок в квартире. Понимаете? Насколько надо было сделать такую конспирацию, чтобы вообще никто не знал. Потому что могли сдать, могли что-то услышать. В любой момент могли приехать. Прятали моего долго, но, когда настал такой период, что просто было уже невозможно, потому что обложили со всех сторон, нам пришлось его вывезти в другой город соседний, Константиновку, чтобы там его зарегистрировать. Чтобы как бы эти службы, «ангелы» и опеки, или кто там этим занимался, чтобы они поняли, что ребенок в другом городе, а не в Дзержинске. Да, и как бы перестали к нам приходить. Ну, у нас получилось это вывезти, зарегистрировать, а назад мы заехать уже не могли в город, потому что на блокпостах детей уже в город не пропускали довольно долгое время уже. Ну, нам пришлось идти, как на крайности, на хитрости, выдумывать разные планы.

И в общем, мы завезли его, получается, на двух машинах пришлось везти. Продумали как спецоперацию, чтобы завести ребенка в город. Это просто уму непостижимо, что мы до такого просто дожились. Одна машина как бы в разведку ехала вперед, вторая с ребенком. И через проселочные дороги, через поля и поселки пришло. Получилось нам все-таки завести рано утром ребенка в город. И до сих пор его прятали, он с нами сейчас, конечно. И с нами он выходил из города.

Когда мы выходили, нам повезло: был ветер и дроны мало летали, и мы проскочили. А так по дороге украинские дроны много скидывали. Нам повезло, в общем, мы прошли нормально. А у других людей, я слышал, ситуации были страшные. На них скидывали дроны. Допустим, выходило 8 человек, двое не дошло. Не дошло, потому что дрон скинул какую-то бомбочку, людей ранило, естественно, кровотечение. Спасти в полевых условиях и при том, когда дроны над тобой летают, невозможно. Украинцы не отпускают людей просто так».

6 Бунина Клавдия Дмитриевна (80 лет), пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Я попала под украинский обстрел. Они злые на нас. И они ненавидят нас. Это точно.

Я сидела в кухоньке, и вдруг тебе хлоп, и их снаряд попал прямо в дом.

А окошко кухоньки выходило на дом. И вот так вот осколки попали мне, вырвали кусок мяса на руке и побили мне грудь осколками.

Украинцы нас ненавидят потому, что они же считают нас сепаратисты.

Я, когда приезжаю водички набрать с колясочкой, и ВСУ, только если они там приезжают за водой, то сразу у людей спрашивают, почему вы не уехали?»

7 **Богдан,**
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ изначально вели себя неадекватно еще с 2015 года, до СВО. Были постоянные терроры мирного населения, провокации. Были и изнасилования, и кражи. Целыми баулами вывозили. Машинки стиральные, холодильник. Грабеж. Мародеры – это когда с пустых квартир вывозят. А тут просто людей забирали и вывозили все. Просто заходили, где люди жили, и у них просто забирали мебель, ценные вещи, которые могли унести. Бывало, просто убивали людей, бывало, выгоняли, бывало, оставляли жить. Смотря кто приходил, с каким настроением были эти украинские военные. Много факторов на это влияло. Может быть, пьяные приходили, может быть, не пьяные приходили.

ВСУ убивали еще до СВО, на поселке Южное было несколько случаев таких. Это поселок, он почти граничит с Горловкой. Там было таких пару случаев, что ВСУ просто заходили в дом, и при изъятии автомобилей или еще каких-то ценностей люди начинали сопротивляться, как-то огрызаться, их просто застреливали и забирали, что хотели.

Ну, после начала СВО это всё намного усугубилось, поскольку украинские военные уже знали, что все, кто оставался в этом городе, как они называли нас, «ждунами», что эти люди все ждут здесь российскую власть. С начала СВО просто дальше уже пошли просто постоянные изнасилования, постоянные какие-то избиения. У меня мать работала в больнице, у меня другие знакомые также работали и в военкомате, и в полиции. Это происходило настолько часто, что люди уже даже перестали внимания обращать на такие разговоры. То есть, ну, бывает.

У меня у тестя брат родной здесь пропал без вести в городе Дзержинске. Они жили возле зоны второй, прятались в подвале. И к ним просто рано или поздно заявились военные, оттуда вытащили мужчин, взяли несколько человек с собой. Недельку их избивали, стреляли над головой.

Это рассказывали сами люди, которых потом отпустили. Их потом уже перевели снова в тот подвал, откуда их забрали, естественно, уже избитыми. И мы где-то через месяц после этих событий узнали о том, что этот человек вообще пропал без вести. Не нашли даже его тела, просто он исчез, и всё. Он был родным братом тестя.

В конце 2024 года один украинский дронщик, они жили с нами в доме, нам рассказал, что в конце лета дали приказ по Дзержинску. Украинским военным платили за мирных. То есть в принципе если снимается на камеру его ликвидация, военным платили. Он сказал прямым текстом, что дали приказ всех гражданских расстреливать. Этот приказ дали на две бригады. Вот одна бригада это была «Азов». И вторая бригада, я не помню, какой там... Которая находилась вокруг шахты Торецкая.

Им дали приказ расстреливать всех гражданских. То есть неважно, мужчины или женщины. Всех гражданских сказали ликвидировать. Я только знаю семерых, по которым

отработали украинские дроны. Это нам тоже рассказывал украинский офицер. Это не его расчет, он сказал, что у него расчет был только разведывательный. А в соседнем доме уже был именно боевой, который занимался сбросами. И он сказал, что заметили гражданских, там были дети, были старики, семь человек всего людей, и всех семерых убили.

Как он сказал, есть определенные приоритеты в ВСУ. То есть если будет идти, к примеру, гражданский на эвакуацию в российскую сторону, либо будет русский военный, то убивать в первую очередь гражданского, а потом военного. Поскольку мы для них предатели.

Случай один был, с нами жил дедок в нашем подвале, 77 лет ему было, Анатолий звали. У него в соседнем доме была квартира на первом этаже, вот об этом знали военные, он туда часто ходил к себе домой. И какие-то другие украинские военные узнали, что он туда ходит довольно-таки часто, и поставили на него растяжку. Мы потом хотели его тело забрать, чтобы хоть закопать его, чтобы он там не лежал.

С начала декабря, когда уехали дрончики и заехали украинские штурмовые группы, они нам сообщили, что при отходе этих штурмовых групп нас всех расстреляют. Мы были на улице, занимались дровами, потому что топили печь в подвале. Они проходили мимо, был среди них офицер какой-то.

Люди были довольно-таки хорошо одеты, по последнему военному слову. Украинцы мне сказали прямо, что мы будем отходить, мы вас расстреляем, поэтому делайте, что хотите. Можете эвакуироваться сейчас в Украину, либо потом уже будет поздно. Однако из нас никто не хотел эвакуироваться.

Потом может быть, 5-10 декабря к нам приехала группа с СБУ. Забрала молодого парня с его матерью с подвалов. По какой причине мы не знаем. Мы так и не смогли выяснить. Только мы знаем, что их в Киеве избивали. Их били там несколько дней. Потом родственники с ними связались с СБУ, чтобы хоть как-то все это уладить, чтобы их хоть перестали бить. СБУ сказало заплатить 10 тысяч долларов за парня и его мать. Заплатили и потом платили по полторы тысячи долларов, чтобы их просто не трогали. Никто не сказал, по какой причине их задержали. Да, они просто зашли, заломали и вывели.

5 января мы приняли решение, что нужно выходить. Во-первых, у нас уже вода была на исходе, еда тоже заканчивалась. И мы 5 решили, что 6 декабря рано утром будем выходить. Заодно оно всё решилось само, потому что 6 декабря где-то в 7 утра был сильный обстрел, и у нас повыбивало полностью все двери в подвалы. То есть если раньше украинских военных задерживала хотя бы дверь какая-то, то есть они иногда проходили мимо, если видели, что дверь закрыта. Потому что были случаи, когда просто заходили, просто расстреливали людей. У меня есть знакомые, которые потом проходили мимо какого-либо подвала, заходили позвать мирных, чтобы вместе уходить, а там были уже все расстреляны в подвалах.

Расстреляны украинцами, там еще не было русских. При отступлении украинские войска убивали гражданских.

Как говорил, опять же, один офицер, который командовал расчетом дронов, он спрашивал, что ты тут сидишь, говорит, не ждешь никого? Я говорю, нет, мне просто, говорю, деваться некуда, я поэтому, говорю, здесь сижу. Он такой: «А, хорошо, мы не любим предателей». То есть, ну, как я понимаю, они считают всех, кто остался в городе, не уехал, их считают предателями. Ну, а что делают с предателями, вы знаете».

8 **Белов Демьян Александрович (62 года),**
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Я из-за ВСУ остался без жилья, без ничего. Они сжигали подряд все наши дома. И зажигалки были, и фосфор там, все. Да еще и как. Убили прям улицу, полностью.

Дом рассыпался. Прилетела мина — он рассыпался. Я перебрался к соседям напротив. Более-менее еще где-то месяц прожил — снова прилетело. В общем, я еле успел оттуда вылететь. Мои вещи были собраны, и все сгорело. Да там все, там вообще ничего, ничего живого нет.

ВСУ нам говорили: «Если будем выходить, мы вас сотрем». Все так и есть. И по домам. Дом целый стоит — лупанут. Дом горит, люди выскакивают. Добивали, то есть целенаправленно добивали мирных.

Вот у Андрея мы как прятались: в подвале где-то месяц мы его жили, потому что у нас уже негде было. Его дом разбили и рядом соседский. А мы в подвале там жили.

На одной улице жили, прилетело, нашли ВСУ нас. И мы горели тоже, и в одном месте, и в другом. Фосфором тоже было. Они вообще дикари. Прямо ужас — выгорало все. Одни трубы торчат.

Я еще слышал, что ВСУ заходят в дома, в подвалы, представляются россиянами. А потом — вы «ждуны», и расстреливают, потом трупы собаки растаскивают. Это когда российских войск еще нет близко. Страсть».

9 **Лагерь Алексей Анатольевич,**
Пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Помню, украинские военные вели человека со связанными руками. На улице мы видели. Я лично видел. По улице вели. Молодые хлопцы, а мужчина, ну наверное, плюс-минус моих годов, может, немножко даже постарше, крепкий. Они его куда-то довели, ну, потом мы же не будем глядеть куда, самим опасно, мягко выражаясь. После того мы его обнаружили. Он лежал под домом. Но мы видели, что его вели по улице. Зачем его убили? Это необъяснимо.

Украинские дроны. Я сам видел, где они поднимаются, где они садятся. Это была территория Украины. У нас российских войск на тот момент не было вообще. По слову совсем. Вот я видел, откуда они взлетали, куда садились. Оттуда метров 200. Я видел его. И вот хлопок, ранили мать и сына, матери за 60, сыну за 40. И еще одного хлопца ранило, он 5 метров пробежал и упал. Просто упал. Пока Василия зашивали, нас 10-11 раз атаковали. Вот этими

украинскими дронами. Дом разбивали. Просто разбивали. Ну, конечно, так и разбили там на пристройке крышу. Она загорелась. Целенаправленно били. Там у дрона бутылочка такая вот да и зажигательная смесь, то уже не подушишь никаким маневром. Мы это увидели, загорелось. Василия мы втроем несем. Два двора пронесли, занесли в его дом, и буквально через пять минут разбивается крыша первым дроном. Дырка есть.

Второй дрон залетает, подпаливает. А мы буквально пять минут там побыли. Мы перешли в третий дом, пожили там.

Ну, все равно потом бегать надо, и вот только пробежали – ВСУ дронами лупают. Именно целенаправленно это все было. Просто целенаправленно.

Я был у товарища, поехал в гости, посидели, чай попили. Сосед прибегает, говорит, Леха, ты, говорит, горишь. Ну, я бегом домой, ну, там через две улицы. Прибегаю, и вся улица горит полностью. Район хлебозавода, вся улица полностью горит. Сама по себе она не может гореть. У нас на улице порядка 18-20 домов. Одновременно они загореться не могут.

Я переехал до Василия. 17 сентября 2024 года. Василий пошел до матери. У него дрон упал возле машины. Хотел в гражданскую машину ударить, но он не разорвался. Он хотел его как-то сдвинуть, и дрон разорвался. Посёк ему ноги, перебил артерию. Занесли в дом, начали обрабатывать раны, зашивать. Зашивали просто обыкновенной иглой. В этот момент, когда зашивали, нас находилось 8-10 человек у дома. И нас бомбить начали. Опять же, дроны били...

Были сбросы. А лето было жаркое, все горит. Пока там потушили, загорелся сарай. Побежали под сарай. Я вижу дрон, он от нас был порядка 120 метров, ну пусть 150 метров в высоте. И я только увидел, что он стоял и целенаправленно на нас пошел. Я под сарай сел. Одну женщину контузило, еще одного парня контузило. Он однозначно видел, что мы – гражданские. Лето на улице. В сентябре все еще тепло. У нас футболка, спортивные тапочки. Женщины».

10

Трубников Сергей Игоревич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Помню Аксенова Александра. Он года на два - на три младше меня. Не знаю, живой, не живой сейчас. Он жил с нами на Владимирской. Ему, наверное, в сентябре, начало сентября, ВСУ прострелили ему руку, не знаю, за что, ладонь была прострелена. В конце, наверное, сентября, начало октября, он просил на подвале место себе. Ключ ему дали, он пошел на подвал. И на обратном пути ему огнестрел пробил дырку. Однозначно стреляли украинские военные. Там в тот момент сидели украинские военные. Стреляли в мирного, я думаю, хотели убить. Он был в гражданской одежде, ничего военного, ни камуфляжа, ничего не было. Он с пустыми руками туда побежал открыть, у него не получилось. На обратном пути он шел, и был произведен сзади выстрел, он слышал выстрел. Ну и вот пуля пробила ему мочку, и как-то в шею вошла и вышла».

11

**Игорь Николаевич (71 год),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)**

«Мы обычно как определяли опасность? Вот вы смотрите, если у магазина ВСУ нету, лучше в магазин не ходить. Значит, будет обстрел.

Еще они по магазинам стреляли с гранатомета. У нас девчата наши работали в магазинах продавцами. С гранатомета двери высадили. Какого-то там ихнего вождя, комбата обидели, не дали что-то. Он отъехал, там двойная дорога, развернулся, встал на автобусной остановке, гранатомет вытащил и в магазин пульнул. Повезло, что граната не разорвалась. Пробила стенку и в магазине застряла.

Даже доходило до чего: собирали группы, «Мы вас вывезем. Ничего лишнего не берите. Берите деньги, драгоценности и документы». Это собирали, и после этого мы этих людей не видели. Мы не знаем, куда они делись.

Как только темнело, на перекресток, там, где у нас выходит, дома многоэтажные кончается, выезжала какая-то техника с минометами. Пять снарядов, и потом меняют позицию. Тут ложили по 30-40 выстрелов по поселку, по квадратам, пока не начинали гореть дома. После этого выезжали. Шли пожары. Первый пожар мы еще тушили, можно было тушить, мы бегали, помогали друг другу. И чуть позже уже пошло, хуже стало.

А потом появились украинские дроны, стало вообще невозможно. Значит, когда летают дроны, и тогда что-то бомбят, лучше не высовываться. У нас через три дома жило шесть человек.

У них своего дома не было, они живут, перешли жить в садовый домик где-то. Короче, сверху сбросили зажигалку. И эти люди, что выскочили, шесть человек, их сверху накрыли миной, на куски всех разорвало.

У нас есть знакомые с украинской стороны и у них служат люди в ВСУ. Им сказали: те, кто остался, – ждуны, это не люди, их надо уничтожать. И поэтому мы сейчас от дронов прятались. Потому что если он летает – или сейчас что-то сбросит, или начинается минометный обстрел. Вот у меня жена пошла к соседям. Пока они дошли, слышал, что пошли мины, полетели. Ну, хорошо, они добежали в подвал и спрятались.

Летала «Баба-яга», и сбрасывали эти самые мины противотанковые на дома. И вот сидишь в подвале и слышишь, ближе, ближе, ближе положило. Хорошо, у нас подвал был не в доме, а в стороне от дома. Но потом, под конец уже, перед тем как мы выходили, я смотрю, воронки стали вокруг нас появляться. Они определили нас по теплу. У нас же печь в подвале была. Мы только днем ее топили.

И вот это последний раз, когда нас били, я вышел, у меня на лестнице лежал фпв-дрон неразорвавшийся. С зарядом, со всем этим. И, ну конечно, все побито было. Первые дроны разбили крышу, остальные, видно, пытались влететь под нее. А там проводка, все такое. И мы слышали, как они цеплялись вот этими вентиляторами. Мы ждали потом минут 15-20, потом был взрыв».

12

**Банная Нина Дмитриевна (66 лет),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торцеке)**

«ВСУ заселялись в дома. У нас рядом заняли два дома. Поставили там гранатометы и оттуда обстреливали. К мирным относились плохо. Хотя они пишут, что говорят, что нам помогали. Никто ничего не помогал. Все время говорили, что мы за Россию, мы такие-сякие, выходите, выезжайте.

Мужчину ВСУ застрелили, он шел домой, его застрелили, мы его утром нашли убитого. Застрелили его на Химколонке, сосед пришел, сказал, его надо похоронить, потому что его убили. Убили, он шел домой как раз, это в район Химколонки, в сторону. Раньше там магазин был на Химколонке у нас. Убитому примерно около 40, может, чуть больше было. Застрелили его где-то в ноябре месяце.

Женщина вышла кормить котят. На двухэтажке жила. В это время ВСУ подняли дрон и ее убили. Сброс гранаты, и убило ее прямо на месте. Украинские дроны – другие дроны не летали там в тот момент вообще. Мы вообще мало видали русских дронов.

У нас в основном летала украинский дрон «Баба-Яга» и «дроны-камикадзе». Они нас обстреливали, нас лично. Нас лично бомбили с «Бабы-яги». Мы лежали под стенкой в доме, на кухне. И у нас с четырех вечера начала бомбить «Баба-яга». Дом у нас разбомбили, сожгли. Они знали, что это мирные жители.

Нас бомбили потому, что мы поддерживали Россию, не уходили на Украину. Они сказали: «Мы сотрем вас с лица земли». Нам так прямыми текстами и говорили.

Палили нас в доме, нас 10 человек было, на нас сбросили заряд. Они прекрасно видели, что я утром вышла, выгуливала собачку. Над нами висел дрон. Я зашла в дом, а в 8 часов нас начали бомбить. Наш дом, кухню, где мы сидели с людьми, начали нас бомбить. Разбомбили полностью крышу, сбросили нам зажигалку. Я быстренько сказала всем: поднимаемся, быстренько уходим. Налетели дроны, сожгли полностью эту кухню, она пылала так. Мы сгорели полностью. Мы в подвале жили, ВСУ видали, что мирные в подвале.

Сосед с мамой шёл. И начали ВСУ обстреливать с дронов. И они шли к нам в подвал. Через дорогу переходили. Они как раз напротив нас жили. Они зашли к нам во двор. И он, не доходя до нашего гаража, дрон скинул прямо на них.

Украинский дрон видел, что идет женщина старая, пожилая. Их четыре человека было. Две женщины. Они стали просто за сарай – у нас там накрытие. А он маму повел прямо в гараж. Не доходя гаража, дрон перед ними скинул. Потом скинул на этих женщин. Дрон видел, что там мирные идут люди. Когда мы эвакуировались, мы вышли на улицу Ленина, повернули и растянулись на большое расстояние. И как раз напротив меня дрон скинул снаряд. Меня оглушило, слава Богу, только оглушило сильно. Он, конечно, видел, что вереница – все гражданские.

ВСУ обстреливали Дзержинск. В 2021 году обстреляли девятиэтажку. Погибла молодая семья в этой многоэтажке. Молодые люди. Перед этим были журналисты, конечно, потом

обстреляли дом, понабежали солдаты, загородили и начали быстренько убирать осколки дома. Защищать.

Потому что с России ничего не летело. Город начал рушить Украина сама. Обстреливали полностью. Кума рассказывала, были случаи, когда в совхозе Никитовском стояли украинские солдаты, стояли польские солдаты. И они обстреляли подстанцию, чтобы убрать у людей свет. Обстреляли, разбомбили.

Женщина из совхоза Никитовского, она у нас в Дзержинске торговала на рынке. Она приезжает утром на другой машине. Я говорю, Оля, в чем дело? Она говорит: «Отъехала домой, дрон скинул на меня, на машину прямо. Я чудом осталась живая». Украинский дрон. За людьми прямо охотились, за машинами, за людьми.

Однажды у нас на ДК как раз были журналисты. Журналисты только отошли, и в это время начали обстреливать людей. Раненые там были. Через время снова прибежали журналисты, начали снимать и говорят, вот русские, вот видите, вас обстреливают. Хотя мы прекрасно знали, что русские нас не обстреливают. Обычно со стороны ВСУ, с Константиновки всё летело».

13

**Степанченко Тамара Борисовна (71 год),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)**

«У нас ВСУ дом разбили, мы жили в другом доме. САУ стреляли, когда мы сидели в погребе, и даже прострелила крышу. Навесы аж перевернулись. Украинцы стреляли. Русские еще не заходили вообще никуда. Русских не было и близко. А в каждом доме они были, украинцы. В каждом доме. Они селились, выгоняли людей. И вот мне говорили, что выгнали и убили женщину. Такого возраста, как я, Люба, я ее не знаю фамилию. Украинцы убили, да.

Муж мой ходил туда. И он тоже рассказывал, говорит, Любу убили, стреляли по нам с вот этих дронов, понимаете? Украинских. Дроны эти всё время летают, а ночью вообще обстреливают.

Мы собрались идти, потом по нам стреляли, обстреливали. У меня спина не ходит, руки не ходят. Мы расцеловались, это было на ЦОФе, площадь Ленина. Рядом ЦОВ, а рядом шахта имени Дзержинского. Это в Торецке. А напротив – тут церковь и тут гаражи. И мы через эти гаражи, думали, поверх уйдем. В гаражах, мы видели, растяжки стоят, бутылки водки пустые.

По нам ВСУ стреляли. Вот возле нас прямо падало. Я уже думала, не дойду.

Сбросы были с украинских дронов. Уничтожали нас. Они расстреляли на днях, ну я не знаю какой день шел, шли мирные люди сюда, и ВСУ расстреляли ребенка, женщину – дочь и ее мать. ВСУ всех стали расстреливать.

Тогда еще на Константиновку работали магазины, и соседка ездила туда скупляться. Она говорила, там столько наемников, а потом уже говорит, что видела расстрелянных людей на дороге. Мирных. Не мужчин. А потом они вообще свирепствовать стали. Они всех расстреливают, кто попадется».

14

Аксенова Ольга Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«8 января 2024 года украинская «Баба-яга» ночью начала сбрасывать бомбы вокруг домов. Какие цели они преследуют, я зачастую вообще не понимаю, делать такие сбросы. В общем, 8-го числа украинцы начали сбрасывать вокруг домов. Люди запаниковали и выбежали из дома и пока бежали к нам в подвал. А у них тетя Таня, тетя Наташа, жена дяди Паши, их там было четверо. Тетя Наташа, дядя Паша, тетя Таня и бабушка Нина, 97 с половиной лет. Они успели забежать во двор, спрятаться в гараж, а дядя Паша следом ввёл бабушку Нину, она довольно-таки медленно ходила. Получается, не «Баба-яга» сбросила, а более мелкий сбросил. И получается, бабушка ни упала, ни царапины, а дядя Паша – пробила ногу, кость. Они добежали до другого гаража, оттуда добежали до нас.

Походу, украинцы их засветили, что они к нам забежали. У нас был подвал под домиком. Вот такая маленькая коробочка. Рядом сарайчик. Они к нам спустились. Мы успели дядю Пашу перевязать. Самое первое, наверное, наложить. А здесь через полчаса мы вообще думали, что эта тварь по светлomu уже не летает. А уже было восемь, уже было светло. Ну вот, прилетела «Баба-яга» и сбросила. Благо, сбросила с другой стороны и не по центру. И она просто снесла наш домик и лаз тоже, получается, закрыла досками. Благо, только кирпичную стену вынесла.

Когда первый раз «Баба-яга» нас обстреляла, украинцы прекрасно знали, что в том доме живут мирные люди. Никого другого там нет.

А потом нас в подвале они нас сожгли. Там всё сгорело. И они потом ещё летали, мы бросили тушить и ушли. Тетя Наташа ушла в свой домик, а мы перебрались в летнюю кухню брата. Мы там как раз забили окна фанерой изнутри. Бросили матрас на пол и прилетел снаряд под дом. Мы остались лежать, не двигаться, потому что сразу за снарядом был слышен дрон.

С какой целью украинцы стреляли, непонятно. Ночь была жутко страшной. За эту ночь «Баба-яга» прилетала шесть раз. Благо, она била вокруг. Потом вот она улетела, следом прилетел маленький украинский дрон, покружил. Через время ещё раз прилетела. И мы вот всю ночь в одном положении, не двигаясь, как будто бы нас там либо нет, либо мы мёртвые там лежим.

Украинцы должны были знать, что там гражданские. Не могли они не знать, что там гражданские. Они прекрасно знали, что там мирные.

Вот мы жили у тёти Наташи. Тоже такой маленький домик, на две комнатки поделены. В общем, там с утра нас забросали дронами украинскими, маленькими вот этими визжащими тварями, которые «камикадзе». Шесть штук. Пока не пробили крышу, шестой сбросил зажигалку. Вот эта вот бутылка с жидкостью. Потом быстро собрались и перебежали в Колин дом. 28-го умерла бабушка Нина. Своей смертью. Её, видать, уже совсем подкосило

то, что её дом сожгли, потому что они не только разбили, они потом полностью сожгли. Мы как раз перебежали, через 10 минут вторую зажигалку бросили, и там всё сгорело. 28-го не стало, похоронили ее как раз в яме, в воронке, которая после «Бабы-яги» была. Такая внушительная яма была.

Украинцы прекрасно видели, что мы – гражданские».

15 Тишкова Татьяна Евгеньевна, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«С 2015 года нам раз прилетело, украинский танк по нам стрелял в наш дом. Это было в 2015 году. Мы находились там с семьей. Муж, я и двое девочек несовершеннолетних. В 2024 году тоже к нам прилетела украинская ракета в дом. Уничтожила. Полностью наш дом уничтожен. Это дело специально делали они. Нас выживали с наших домов. Делали минометные расчеты и специально стреляли по нашим домам. Разбрасывали дронами снаряды, которые потом загорались вокруг. За один день, это то, что наш район, даже за каких-то два часа был полностью уничтожен наш квартал. Забалка, возле Силуэта. Полностью сожгли.

Украинская ракета прилетела к нам в дом, когда нас не было. Это у меня тоже муж всё время, как говорится, руку держал на пульсе. И когда начал видеть, что вокруг наших домов начали ходить военные украинские, он говорит, так, девчонки, собирайтесь, давайте уйдём отсюда. И мы ушли. И буквально на следующий день прилетела ракета.

Мы переночевали у других людей. А когда пришли вечером посмотреть, что с нашим домом случилось, на нас украинские военные наставили автоматы. «Что вы здесь делаете?» Ну, все это же по-украински сказали. Спросили: «Почему не эвакуируетесь?» И это все под дулом автомата мы разговаривали. Ну, придумали то, что у меня сильно старенькая бабушка лежащая, и нас никто не забирает. Ну, как-то так он смягчился-смягчился, и нас отпустили. Отдали нам паспорта и нас отпустили. Типа «хай идите».

А соседку застрелили. Наташу. Они пошли за водой, а украинские военные прятались в другой половине и застрелили. Ее застрелили сразу в сердце, Наташу. Дядю Игоря ранили в ногу, поперебили кость ему, он потом умер. А одна, третья женщина осталась живая. Это произошло на Забалке. Примерно месяц ноябрь. Дед Женя, сосед, тоже пошёл за водой – его сильно ранило с автомата.

Что мирные – их это не волнует. Мы русские. Надо уничтожать нас. Потому что мы ждуны для них. Они нас ненавидели. Очень много погибли от украинцев. Очень много. На Кулацком хуторе тоже пожилые люди, уже 86 лет, 80 лет вышли, буквально две недели тому назад. Они вам очень много всего интересного расскажут. Они говорили, что приходили украинцы и расстреливали людей. Люди так и валялись во дворах. Очень много.

У нас там улица есть такая Сормовская, Забалка тоже. Там даже бабушку убили лежащую, парализованную, в кровати. Вот так вот, бедненькая, руками закрывалась, так и нашли её, убитую».

16

**Шведова Надежда Михайловна (64 года),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)**

«Украинцы расстреливали людей по окраинам города нашего. Очень много людей поисчезало.

К нам на улицу пришла женщина жить, молодая, 50 лет ей было, медик. И вот она пошла куда-то там до знакомого своего, у него была мама лежащая. Она туда ушла, а когда уже пришла к этому Серёже, обнаружили, что мать была застреленная в лоб, эта мать убитая была. Сами жители говорили, что украинцы очень много людей порасстреляли.

Медик эта смотрела просто за ней. Женщине этой 85 лет было. И когда пришли к ним в дом, она лежала на пороге, застрелена. Это место так называемая наша вот эта Забалка. Мужики, которые пооставались у нас, сказали, что это «азовцы» пришли к нам. Они говорили, что «азовцы» много стреляли просто по убегающим. Убивали, и всё.

ВСУ многих, очень, очень много людей расстреляли. И Олега расстреляли с женой прямо во дворе. И соседей там, у нас старик со старушкой жили, тоже расстреляли. Так тьма тьмущая людей порасстреляли.

Олег такой был, как мы, в возрасте. Он работал у нас грузчиком в «Ягодке». А жена его тоже такая же. И у них однажды дом загорелся. Мы их знали. Мы жили там по Сормовской, где дома наши загорели.

А здесь мы жили внизу, где мужа расстреляли. Мы у сына в доме жили. Потому что там у него печка была в доме. А зимовать там у нас не было газа, печки там в доме. А мы пришли сюда к сыну жить, потому что тут была печка. И тут попали. Они пошли звонить, и больше он не вернулся.

Витя мне сказал: «Не ищи их, их 13-го числа сентября расстреляли. Они вот там, в конце улицы в кухне летней лежат». 3-го он ушёл из дома, а 13-го его расстреляли.

И я пришла в ту кухню. Их там двое было. Он с другом был, Ваня там еще был у него друг. Он лежал навзничь и закрытый. А Ваня вот так полусидя сидел. Тоже застреленный. Там уже он вздутый весь был и весь в червях.

Я думаю, «азовцы» убили полсотни, а то и больше человек точно там осталось. Там без вести много очень пропало людей. Очень много. Они там всех подряд расстреливали. Вот Олега расстреляли, потом женщину ту расстреляли, потом напротив соседа расстреляли, потом по нашей улице там тоже порасстреляли. Ой, да страшно, страшно, не дай Бог, не дай Бог. Очень много людей расстреляли.

У нас был один, ходил, помогал людям в огороде и тоже исчез без вести, пропал. Двое было там, этот Лёша и этот Витя. И потом я пришла домой, я их ждала, они так и не вернулись. двое соседей. И они тоже пропали. И рядом, который сосед по нашей улице жил, тоже его не стало. Тоже он исчез. Очень много людей расстреляли.

Я так плакала, так плакала, думаю, за что? Ну за что вы нас, украинцы, стреляете? Что мы такого вам сделали?»

17

Шепетяк Виктор Анатольевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Когда все началось, в сентябре, 4 сентября, украинцы начали последние улицы зачищать. Людей мирных убивали. Особенно окраинные. Это самые последние улицы идут от Забалки. Кто попадался, того и стреляли. Если мирный в доме есть, они стреляют.

В одном месте соседка – врач был, бабушка лежащая и сын. Вот сын успел убежать, а вот врачу и мать, их украинцы застрелили. А этот успел убежать.

Как в сентябре началось, ты только вылезешь из подвала, а у тебя дрон на голове. Истребляли. Вот я пулю тоже поймал, когда на чердак залазил и маме звонил. Первый раз повезло, а второй раз уже получил пулю. Украинцы как раз были на двухэтажках, а я был в частниках. Как раз вот двухэтажка, получается, частные дома и школа. И вот с двухэтажки они

начали в меня стрелять. ВСУ видели, что я гражданский. В спину мне попали, даже пуля еще осталась.

Я как-то ходил в магазин, ну и два украинских нацика были. Ну, пьяные. Один начал по ногам, в пол, в воздух стрелять. На улице. А потом начали и в собак стрелять. Просто ходили, куражились, собак стреляли. Это хорошо, что мне повезло, что я через магазин и убежал. Потом ВСУшники кричали, надо мне переночевать у кого-то. Все сразу убежали. Ну, еслипустишь, они потом убьют тебя сразу. Бывало, так уже убивали».

18

Остриков Евгений Михайлович,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ к нам к русским относилась как к ждунам, а ждуны – это преступники автоматом. Ну, ждете российскую армию вы все. Меня родители прятали, когда ВСУ к нам пришли домой проверять. У нас старенькая бабушка, сестра инвалидная. И мать с отцом тоже в возрасте. Я до соседей в подвал убежал. Племянник там под кровать, ну, там, короче, спрятался. Вот. Они ходили, сначала искали, где у вас тут диверсанты. Никаких диверсантов здесь нет. Спрашивали, где выпивку можно взять.

Однажды отряд «Лють» – это полиция бывшая – к нам пришел. И те, кто в полиции про штрафился. Вот эти ТЦКшники, которые народ забирают. И зэки. Они именно с гражданскими работали. Зашел, как мать рассказывала, сначала этот нервный, видно, что пьяный. Не уходил, все равно

говорил, что мы ждуны. На отца автомат направил, перезарядил, а отец говорит: «Ты

видишь, 64 года мне, ты что творишь?» А он: «А что вы тут делаете? А чего не уехали?» Перезарядил, на сестру направил, на бабушку.

Раньше я работал на депо, грубо говоря, Шахта Северная. Там террикон такой большой, самая главная высотка в городе. Депо уже закрыли, потому что в 22-м году началась война, СВО. И я слышал, как ВСУ с террикона бьют в сторону Горловки. Я там через группу ТГ пытался предупредить. От этого террикона ВСУ затаскивали технику и фигачили по Горловке и по Дзержинску.

Как у них кто-то говорил, нас очень быстро перевоспитывают. Прилетело, по-моему, то ли по ДК Торца, то ли... Не помню уже точно. Ну, грубо говоря, там очевидно, что со стороны Константиновки в дом попало. Ну не может там на 180 градусов снаряд повернуться. Ну и приехали полиция, СБУ, все, пресса. Ну и женщину спрашивает, мол, а откуда летело? Она говорит честно: вот с той стороны. «Да? Вы уверены?» Она сказала, да, уверена. Надо как-то расследование провести, объяснить. В общем, поехали, внушение сделали, и она потом сказала, что с Горловки прилетело.

Вот у нас в городе, многие местные подтвердят, в чате писали «осторожно, в городе пресса». Многие вот даже с Горловки не понимали – ну, пресса, пресса, чего осторожно? А пресса – это значит, город обстреливать будут. Что характерно, прилет – и сразу на этом месте появлялся мэр города, полиция, пресса, картинка, иностранные журналисты все снимали. Я с некоторыми спорил, ну, если вы говорите, что это типа Россия, почему тогда, когда там сейчас все люди, вся элита города, Россия не стреляет? Почему туда тогда не прилетает?

Дофига людей убили именно за то, что украинцам картинка нужна была. Прессу ненавидели все жители. По-моему, это убийство. Там люди гибнут.

8 декабря ВСУ «Градами» с посадки залп по городу сделали. Они падают возле нас. Я быстро отцу с матерью позвонил. Ну, сориентировались, в подвал. Соседу дом разнесло. Ну, я не знаю, не понимаю, ну как «Град»? Самое безопасное было ходить по городу, когда ВСУшники ходят, когда в городе их много. То есть это стопудово: где они – обстрелы маловероятно будет. А вот как приходишь – их нету, они как крысы, значит, вот жди где-то удар. Если ВСУшников нет, значит, будет их обстрел.

Солдаты ВСУшники рассказывали, у нас были поляки в городе. Через несколько укрепов ВСУ стояли поляки. Они взяли и долбанули по городу. Четко даже шлейф видно, слышно, что вот с той стороны летело. А таких случаев там много было. Когда по центральному рынку тоже ударили ВСУ. Люди слышали, как залп с террикона шахты Дзержинской был и как ударили тогда по микрорайону. Там папина знакомая погибла. От украинских обстрелов погибло-то много.

Утро, мы позавтракали. И как щелчок или от «Бабы-яги», или от другого дрона, и прилет в частный дом прямой. Там дырка уже сквозная, мы ничего не сделаем. Ну что, все, собираемся. Отец более-менее дорогу знал. Сначала мать. Дрон сбросил. И, скотина, летает еще, смотрит. Мы начали с дома выбегать. Мать встала на колени перед этим дроном, крестится. «Смотри, мы выходим, мирные». Он танцует перед нами в небе. Мы все собрались, сестра-инвалид, женщина 90 лет, тоже неходячая. Посадили их на обычной коляске. Доехали до микрорайона. Дрон, видать, следил за нами. Там место открыто, там было видно, что колонна. Хотя нам сказали, что нельзя выходить колоннами. Мы шли, потому что мы больных не бросим. Только зашли в подвал – прилеты».

19

Киселев Константин Петрович (60 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Мы поменяли 3 или 4 места жительства. Один дом ВСУ разобьют – они во второй переходят. Ну, они с САУ, наверное, постреливали. Украинцы стреляли, там только украинские войска были.

А еще наш дом обстреляли с машины «Богдан». Дом на углу стоял. И они с двух сторон объехали, расстреляли и с гранатомета и с крупнокалиберного пулемета.

На один дом они сбросили зажигательные бомбы. Жена вышла помочь – там инвалид жил. Ну и жена вышла спросить, что помочь тебе. Он кричит: «Уходи отсюда, сейчас тебя убьют они». Ну, Сергей погиб, наверное, его нигде не было больше. А жену ранило его. С украинского дрона прилетел снаряд. В ногу ранил. Русских войск там не было еще.

А еще соседку нашу убили. Говорит, Люба жила в том доме, куда мы ее переселили. И, короче, что-то она или поскандалила с ними, или что, не знаю. Ну, факт, что убили. Просто застрелили.

Были случаи, когда не выгоняли, но предупреждали, что мы дом ваш разобьем все равно, уходите лучше отсюда куда-нибудь. Потом разрушали. Нам минометчик ВСУ сам сказал. Он воды попросил у нас. Подарили две бутылки воды. После этого съехали мы с этого дома в другой, переселились. А дом ВСУ разрушили. Сожгли его».

20

Остриков Михаил Семенович (64 года),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Сидели три женщины за двором, разговаривали. Ну, ничего не предвещало, говорится, беды. Прилёт, бабах, всё. Мы не разберём, откуда что.

Одна женщина успела, она, видать, услышала, и она успела на землю упасть.

А соседка одна и теща, ну теща обычно, ну глуховатая женщина уже пожилая, и соседка. Те не успели.

Соседку посеколо осколками в груди, оставались еще осколки. Тело все побито было осколками. Теща руку правую осколком пострадала.

Со стороны Украины. Я не знаю, что у них там в голове, Бог их знает. Знаю только одно: когда приезжала пресса в город, все, жди прилета, жди обстрелов, жди всего, что угодно и куда угодно. И так получилось. Только они приехали, через некоторое определенное время пошли прилеты со стороны Украины. И лупили так прилично».

21

Острикова Людмила Григорьевна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Очень много в ВСУ было неадекватных, боялись мы их очень сильно. Пьяных было очень много. Просто было страшно выходить на улицу. Они селились, старались селиться рядом с людьми, с мирными. Мы это понимали, для чего это всё делается. Прикрывались нами. Многие люди не выдерживали, просто из-за этого уезжали.

Когда российских войск еще не было, у нас были прилеты по нашему поселку. Я человек не военный, но я слышала четко выстрел. Раз, два, три – и прилет. То есть раз, два, три – и прилет. Ну, я не понимаю, какое это расстояние, но это очень близко. И украинские военные жили в цыганском доме. Туда ни разу прилета не было. Где были украинские, туда не было прилета. Где мирные, ВСУ старались бить, чтобы запугать людей, чтобы люди съехали.

Когда прилёт от России случился, мы знали, что там стоят украинские войска, и мы радовались. Ура, это наши. Дочка кричит: ура, это наши. Били четко, молодцы ребята. Чётко именно по украинским позициям. Вот это красавцы».

22

Махненко Наталья Ивановна (62 года),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Мы сильно пострадали от украинских военных. Один дом нам спалили. Мы с мужем перешли до бабушки. И мы там жили потихонечку, никого не трогали.

А украинцы дронами кидают эти бомбы. Вот они вокруг кидают, кидают, кидают. Делают вокруг сбросы. Ну, знаете, как психическая атака.

Человек выскочит там. И мы как-то, муж и бабушка, мы выскочили, стали бежать. До соседей перебежать. И дрон кидает, дрон, и падает, мужу перебивает ногу. Они падают с бабушкой, мы с соседкой как-то затормозили, спрятались чуть-чуть. Дрон скинул, и ему перебило. Я подбегаю, а он кричит. Бабушка там лежит. Все, я думала, что все ей. Ей 98 лет, это его мать.

А он кричит, забегай, убегай. Я ее хватаю в этот гараж. У него кровь, я его все равно тяну. И только я дотягиваю его, и дверь сбивает. Дрон еще сбрасывает.

А он кровью стекает, и мы до соседей, чтобы у них так переждать, они в погребе там были. И мы бежим туда, а он видит, дроны летают, преследуют.

Мы забежали в погреб, быстренько спустились, там сарай сверху.

И слышим, что начали сбрасывать по сараям рядом вокруг. А потом прилетела украинская «Баба-яга». «Баба-яга» вообще очень страшная. Она гудит, как реактивный самолет. И она такие бомбы скидывает. И они начали кидать, этот сарай разбивать, и разбили.

А нас там 10 человек было. Начали там скорее перевязку ему делать, забинтовывать. ВСУ бьют до того, пока не подожгут. Не то что так, просто разбили. Нет, пока не подожгут. И загорается этот сарай сверху. Мы в панике. Мы в западне. Мы начали кричать.

Там еще двое мужчин. Они начали выбивать что-то. И чуть-чуть разбили вход. И мы начали выскакивать. Оно же горит здесь все. И выскочили. Эта бабушка застряла. Она рукавом. Я ее тяну. Оно горит. Я вся обгорела.

И я ее тяну, не могу, а муж еще в погребке. И у меня паника: вылазь, вылазь. Да как я вылезу? А я не могу, это паника. Я ее так обдернула, вытянула. И давай же его за руку, я его за руку. Я даже не чувствовала, что у меня горит. Все у соседей сгорело.

И потом мы еле-еле вот так вот с ним уже дошли до своей лачужки. Бабушка, это у нее какой стресс, ей 98 лет, она не поймет, куда, что.

И мы ее еле довели до этой комнатухи. А что, жить негде. Ну давайте хоть в этой будем жить, в этой лачужке будем.

Мы все вместе там жили. Топили до трех часов, мы боялись, чтобы тепловое, потому что ночью тепловое, чтобы ВСУ нас не засекли, что мы сидим здесь. Мы до трех часов топили печку, потом мы все прекращали, там что-то готовили, все. Ну как, худо-бедно все равно как-то жили.

И туда ВСУ начали кидать. Мы слышим, прилетел рядом, по сараям начал, сараи начали гореть. Потом дом, он был разбитый уже, они начали. И начали кидать на крышу. А потом их дрон скинул зажигалку. Это наше счастье, что она сразу не зажглась. Мы скорее выбежать и бежать. Мы не знаем, куда уже.

Там у соседей тоже такой домик был, ну как кухонька летняя. Мы уже туда все как начали бежать, мы пока добежали, может быть, он полетел за следующей, он скинул, пока мы добежали, уже горел этот дом. Мы ни водой, ничем не могли потушить.

Мирных они бомбили, может быть, со злости, что мы остались, они нас называли сепаратисты, «вы ждете Русский мир». Они спрашивали, почему вы не выехали? Ну, они решили, что мы, значит, мы предатели, значит, нас надо, наверное, уничтожить, мы, наверное, не нужны. Зачем мы тогда в Украине?

От этих обстрелов погиб мой муж, умер. От дрона. Как раз мой день рождения, 8 января это случилось. И мы его лечили полтора месяца. Мы уже пришли в эту лачужку, они и там, мы уже в темноте как кроты, мы свет не включали, считай, в холоде сидели, мы мёрзли там. И он же ж там сидел. Ну чем мы могли помочь? Перебинтовывали. И потом бабушка, 98 лет, умерла, она не выдержала. Она просто спросила, что там дома.

Я говорю: «Нема ничего, всё сожжено». И она прям так охнула. Я думаю, что это её добило. И она умерла 28-го. И мы её похоронили. И украинский дрон летал, он видел, что мы закопали, и прилетел и начал нашу лачужку бомбить. И мы сидим и говорим, нам надо уходить. Потому что он может завтра и спалить. Все, нам больше негде жить. У нас все сожжено. И мы мужа на коляску, ребята, двое соседей, у нас 10 человек, женщины. И мы вышли, ждали туман. Мы шли по дороге. И украинский дрон летел и скинул. Ты видишь, мы идем. Мы мирные. В коляске человек. Мужа убил».

23

Ракитская Наталья Викторовна,
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Людей убивали. Моего сожителя Романа убили. Он был восемьдесят первого года рождения. Это ему было сорок.

Это произошло 25 декабря 2023 года. Пришла с работы, ну, смотрю, он лежит. Я побежала в милицию, приехали, начали смотреть там, сколько выстрелов было, стены.

Нашли этого украинского военного. Они были там рядом, жили, находились. Я просто спросила его, за что ты убил? Я тебе хочу задать вопрос, за что ты его убил? Ничего не ответил.

Украинские военные разрушали город. С дрона разрушали и стреляли, летело там.

Украина обстреливала город. Все попалили.

Я зашла к себе во двор – кухни как и не было, сгорело, и даже не видно, что она стояла. Забора нету, дома и самой крыши нету. Вся улица сгорела, все дома горели».

24

Белоусов Александр Сергеевич (20 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«За нами летел украинский дрон. Мы, когда вышли, бабушка встала на коленях, начала молить, чтобы дрон нас не убил.

Были случаи, когда убивали, ранили. В 2023 году моя бабушка сидела со своей подругой на улице. И где-то был очень слышен выстрел, и резко прилетело. Был выстрел, и буквально через секунду прилетел снаряд. Ранило мою бабушку и соседку.

Моей бабушке 83 года – Горбань Нина Павловна. Их ранило в грудь и в шею. В грудь соседку, бабушку в руку. Соседке столько же – они ровесники.

ВСУ по центру били очень часто. Там раненых было много людей. Именно украинцы стреляли.

Мы слышали, очень близкие были выстрелы, залпы. Россия далеко была.

Украинцы хотели, чтобы жители эвакуировались быстро с города в сторону Украины

А мы говорили им, что это наш дом, мы здесь будем жить, мы никуда не хотим. Они угрожали.

ВСУ приехали и сказали, что вы тут делаете, уезжайте, мы тут ваш город сровняем с землей. «Ждуны» нас обозвали.

Они угрожали нам. Даже вот моей соседке угрожали, когда она приехала из больницы уже. Бабушка и соседки рядом сидели, украинские военные пришли и сказали, уезжайте отсюда, мы ваш город будем равнять».

Пашкова
Надежда Константиновна

Симонова
Любовь Николаевна

Збитнев
Антон Анатольевич

25 Пашкова Надежда Константиновна (78 лет),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Весь наш дом ВСУ разбили нафиг. Говорят, что это стреляли украинские нацики. Потом подпалили его. Мы ползали в подвале. Там такая жара была, 60 градусов, мы задохались. В подвале 11 человек, трое поумирало. Их отнесли на вторую где-то лестницу, она не загорелась. Вот на эту лестницу их туда положили мёртвых. Умерли – там такой воздух был, когда пожар. Бабушки старенькие были».

26 Симонова Любовь Николаевна (66 лет),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Украинцы дронами все дома попалили. У нас ни одного дома нет. Ни одного дома нету целого. Там раненых много очень.

Вот недавно у нас, перед тем, как мы ушли, в дом прилетело столько дронов маленьких. Семья там жила, и им дом разбило. А бабушка побежала что-то вытаскивать. Ей ногу поранило.

Они били по мирным – если мы остались, значит, мы сепаратюги, значит, надо нас уничтожать. Потому что мы на эту сторону. Ждём Россию. Всё. Вот только за это».

27 Збитнев Антон Анатольевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«В 2022 году, я еще работал, говорили постоянно, журналисты приезжают, приезжают журналисты. В микрорайон прилетело от обстрела, и сразу, через, там, 5 минут, 3 минуты – журналисты, сразу репортаж, что по центру пролетало.

А в середине января 2025 года со стороны Украины начался артиллерийский обстрел или минометный, я в этом не особо понимаю. И получается, он случился так неожиданно, что я не ожидал просто. Получается, прилетело, и разлет осколков, и мне по ноге в этот момент».

28

Васис Николай Николаевич (67 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«6 месяцев с лета мы прожили в подвале. Все ближе, ближе горели дома. Когда-то до нас дойдет очередь. Потом соседний дом разбили.

Дроны украинские скидывали бомбы или мины. Один дом сгорел, потом другой, как-то к нам все ближе, ближе. Потом или «Смерч», или «Ураган» прилетел. Ну, разрушили. А потом рядом дочкин дом тоже сгорел.

А, еще было раньше – «Баба-яга». Слышим, над домом зависло. Они же мины противотанковые кидают. Слышим, ляп, что-то кинул.

А утром выходим – возле порога валяется противотанковая мина. Видать, не взорвалась, потому что козырек был с одного шифера. Видать, не сработал взрыватель. Круглая такая, противотанковая.

России у нас еще близко не было. Сначала украинцы обстреляли двор, потом там сарай разбили, а потом один день смотрим, уже по дому начали мины, бомбы кидать. И я брату говорю, давай тикать, иначе или ночью, или днем сегодня нас убьют.

Дроны постоянно летали, днём и ночью, выйдешь ночью, гудят, гудят, даже на минуту не было просвета между дронами. И что, пришлось нам в солнечную погоду тикать.

Забежали в соседний дом, пока же выскочили, там взяли две сумки потом, а он в этот соседний дом как долбанул.

Пока он полетел перезаряжаться, мы побежали через улицу, перебежали передохнуть. Но опять украинский дрон увязался за нами.

Мы побросали сумки, уже начали тикать налегке. Ну, короче, как завис над нами. Мы сначала под дерево спрятались, он завис. Танк у них когда-то прикопанный, капонир остался большой. Я туда упал, и он на дом одну гранату сбросил и на меня.

Я так откатился от нее, она взорвалась. В общем, три гранаты сбросил на меня. И на брата, по-моему, одну.

Он видел, что у нас ни оружия, ничего не было. Не в форме. Мы в фуфайках были. Мы спали в поле. Мы в фуфайках спали. На трое штанов. Чтобы не замерзнуть. Мы так и побежали. Мы даже переодеваться не стали.

На меня три гранаты, прямо возле меня. Ранение в грудь. Я думал, что уже все, убьют.

Он, видать, все гранаты сбросил, полетел, перезаряжался, и мы вскочили, и давай тикать, бежать там между домами. Там не дома, а уже там обгоревшие стены и стволы деревьев всего.

А так от украинцев много погибло. Дроны чьи летали? Украинские летали. Вот на брата дрон сбросил мину. Ну, маленькую там. Постоянно дроны, дроны, дроны. Мы боялись же пойти глянуть, живые люди там или нет.

Раз на полдороги добежали и вернулись. Потому что бросали и бросали. Сейчас мы не знаем ихнюю судьбу. Надеемся, что мы уже живы, но шансов мало».

29

Васис Валерий Николаевич,
пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Украинские военные сразу начали уничтожать наш поселок у Дзержинска. Долбили дронами день и ночь. Не было такого случая, даже минуты, чтобы в воздухе не висел их дрон. За мной как-то даже гонялся дрон. Я просто стоял, по телефону разговаривал. Он надо мной завис. Я спрятался в сарайчик. Он бросил минку, такую маленькую мину. Слава Богу, она не разорвалась. Дрон видел, что я мирный.

Потом дальше мы с братом жили в подвале. Было такое, что невозможно было выйти из подвала, даже в туалет. Двор весь был разбитый, в воронках. Прилетела один раз ночью «Баба-яга» и сбросила противотанковую мину. Она попала, где там навес был, один шифер. Получается, она шифер проломила, а там лежали тряпки. Нам повезло, что она упала и не разорвалась. Российских войск тогда я ни разу не видел даже,

что просто проходили по улице. Мы 11 февраля встали, вылезли из подвала утром. Потом пролетает украинский дрон и начал на наших глазах лупить по дому. Сначала принес одну маленькую мину, бросил, потом вторую. Угол дома упал. Брат говорит, давай тикать, иначе нас убьют. Мы схватили сумки, побежали, я кошку забрать еще хотел, побежали в соседний дом, дрон увидел, что мы в соседний дом забежали, и ударил по нему.

Потом, пока дрон полетел перезаряжаться, мы побежали на другую улицу и там пережидали. Мы выбирали момент, когда хоть там какие-то 30-40 секунд нету, чтобы перебежать. Перебежали через карьер, и нас там настиг дрон. Один дрон висел, видать, наблюдатель, а потом прилетел другой дрон. Мы сидели под деревом, и он опускался прямо так низко-низко. Я слышал, он так «кляц», я понял, что он сделал сброс. Я побежал, произошел взрыв, я притворился мертвым. Этот дрон улетел, а другой прилетел, низко-низко надо мной смотрел, смотрел. Я думал, что он не заметит, хотя мне потом как сказали, что это бесполезно, он все видит. Прилетает другой дрон, он опять зависает надо мной, я понял, что будет опять сброс. Я опять встал, побежал, у меня кошка была с собой, я ее потерял. И, короче, по кущерям бежал, бежал, он ещё сделал два сброса, и потом переключился на брата. Я там забежал в дом, спрятался, а брата ранило».

30

Павлова Татьяна Александровна
66 лет, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«С 29 ноября произошло нашествие украинских дронов. Сначала дронами били, потом начали зажигательную смесь. Дом сожгли под фундамент, от дома ничего не осталось. Дом и сарай, угольник немножко там остался. Я получила ранение, из дома ушла, оказали мне помощь соседи. Коксовая, 43. Муж остался, и я больше его не видела.

Я на улице около погребка была, и мне ноги посекло сбросом, одна нога и другая насквозь простреленные осколками. Если бы целый дрон-«камикадзе» по мне ударил, меня бы не

было. Я пробыла две недели у соседей, и через две недели попадает в их дом.

Сначала разбили двумя ударами в крышу, мы спустились в подвал, а ночью зажгли один и другой дом, и попали прямо, где мы сидели, в подвал. Сгорело все.

Я успела хоть документы взять, а у них даже документы сгорели. 10 человек нас было, и один раненый еще от дрона. И бабушка у нас 98 лет была. И мы бабушку похоронили и его похоронили.

Украинцы по нам били, что, мы же предатели, мы ватники, мы сепаратисты для них. Если бы мы не выехали на ту сторону, мы бы легли, убили нас. Они за людей нас не считали. По разговорам, в открытую.

«Будем уходить с пепелища», они в открытую говорили.

Даже мэр города такой высказался, что «будем уходить, на пепелище оставим». Вся наша Химколонка, вся – разбитая.

Сначала бьют, а потом поджигают. Все под чистую уничтожают.

И подвалы, ни сарая, ни кухни. Где-то дымок, мы даже боялись, а холодно. В последнюю кухоньку мы прибежали, уже выхода не было.

И дрон два раза сбросил. Крыши не стало. Я говорю, все, девочки, нам нужно уходить. Иначе мы здесь погибнем. Когда уходили, недалеко от нас упал дрон, взорвался, и уже мы дошли ближе к шахте «Индустриальная». Я так оглянула, смотрю, сзади нас еще взрывы идут».

31

**Черкасова Наталья Сергеевна (75 лет),
пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торцеке)**

«Наш хутор, посёлок Дружба, или хутор Рыжков, там родина Николая Ивановича Рыжкова.

Я его, кстати, двоюродная племянница. Нас начали расстреливать с 1-го числа, в конце где-то июня.

Когда дошли до моего дома, загорелись уже все мои три любимые дома. Это сестры дом, бабушкин дом и мой дом двухэтажный. Это было страшно.

Я жила в бабушкином доме посередине.

Когда я выносила все вещи, я решила снять иконы, потому что они очень ценные, 17-18 век. И тем более это передавалось из рода в род.

И вот я уже вылазила, не успела выйти через дверь, я уже через окно. Но когда я вылазила в одной рубашке, по мне полоснули эти украинские шарикополосы по ногам.

Ожоги были невозможные. ВСУ убили дронами Камыхина Сашу и Тутובה Володю, моего брата, у которого я была».

